

От «Тараса Бульбы» до «Тихого Дона»

В читательском мире утвердилось мнение, что основоположником художественной литературы о казаках является Николай Васильевич Гоголь с его знаменитой повестью «Тарас Бульба»... Затем эту тему продолжили Александр Сергеевич Пушкин повестью «Капитанская дочка» и стихами, Михаил Юрьевич Лермонтов «Казачьей колыбельной», Лев Николаевич Толстой повестью «Казаки», Тарас Григорьевич Шевченко поэмами и стихами «Гайдамаки», «Думка», «Тарасова ночь» и другими, а в двадцатом веке Михаил Александрович Шолохов романами «Тихий Дон», «Поднятая целина»

Если ещё немного напрячь память старшего поколения, то кто-то припомнит роман польского классика Генрика Сенкевича «Огнём и мечом», поэмы Владимира Гиляровского «Запорожцы» и «Стенька Разин», «Железный поток» Александра Серафимовича, «Новочеркасск» Геннадия Семенихина, «Конармию» Исаака Бабеля, «Я, Богдан» (о Богдане Хмельницком) Павла Загребельного, «Даурию» Константина Седых, неоконченную повесть о Разине Василия Шукшина «Я пришёл дать вам волю».

Сегодняшние книгогои, пожалуй, назовут произведения эмигрантов Петра Краснова (бывшего атамана Области войска Донского) и Николая Туроверова, антипода Шолохова — Фёдора Крюкова, Фёдора Щербини. Их книги последние 20 лет довольно часто появляются на стеллажах книжных магазинов. Вот, собственно, и весь перечень более-менее известных среднестатисти-

ческому гражданину России произведений о казачестве и фамилий их авторов.

А между тем литература о казачестве значительно более обширна и по перечню книг, и по времени их написания. Своими корнями она уходит в древнерусские народные предания и былины, в средневековые анонимные источники. Это и «Сказание о Мамаевом побоище», где упоминаются «неведомые люди воинского сословия, зовомые донски козацы», пришедшие на помощь московскому князю Дмитрию с иконой Гребенской Божьей Матери, той самой, что ныне называется Донской. Это и «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», записанная в первой половине семнадцатого века. Это и былина «Битва Ильи Муромца с жидовином» (о противостоянии казачьего пограничья Руси во главе со «старым казаком, атаманом Ильёй Муромцем» Хазарскому фаналору в X веке). В русском воинском фольклоре казачьи исторические песни составляют две трети всех собранных текстов, начиная с шестнадцатого века.

Особую главу в создании художественной литературы о казачестве вписал в конце XVII — начале XIX века донской казак, священник и дипломат, которого по праву можно назвать основоположником казачьего эпоса, Алексей Григорьевич Евстафьев. Он, первый русский консул в Бостоне (США), является автором памфлета «Преимущества России в случае войны с Францией», исторических драм «Мазепа — гетман Украины», «Казаки на пути в Париж», «Дмитрий Донской». Алексей Григорьевич, прекрасно владе-

вший многими иностранными языками, перевёл на английский трагедию Сумарокова «Дмитрий-самозванец» и ряд произведений Ломоносова.

Составителем первой летописи кубанских казаков, автором многих рассказов об их жизни и быте был наказной атаман Черноморского казачьего войска, погибший в плену у горцев, Яков Герасимович Кухаренко.

Во всём мире известен «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Но мало кто знает, что начинал свою литературную деятельность этот писатель и учёный под псевдонимом «Казак Владимир Луганский», что именно он собрал, обработал и опубликовал в первой половине XIX века казачьи сказки, предания, рассказы из истории казачества, создал историко-этнографическое исследование «Уральский казак».

Кровавые вихри XX века жестоко ворвались в судьбу казачества. Гражданская война, вынужденная эмиграция значительной части казаков за рубеж, репрессии против оставшихся в России, расказачивание и раскулачивание, высылка из родных станиц и хуторов, устранение самого понятия «казак» из народной жизни, казалось бы, должны были занести пылью забвения историческую память о вольных степных рыцарях. Но никакие политические и идеологические

догмы и акции не вытравивали образы создателей и защитников России из сознания народа и из творчества многих писателей.

Помимо Александра Серафимовича и Михаила Шолохова о казачестве в тридцатые годы замечательно писал один из лучших поэтов того периода Павел Васильев. Его поэмы «Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт» — рекем сибирским казакам «Горькой линии». Судьба выдающегося поэта, о котором Борис Пастернак писал, что молодой Павел Васильев производил на него впечатление, как молодой Есенин и молодой Маяковский, вместе взятые, окончилась трагически, в 27 лет он был расстрелян как «подкулачник и враг народа».

Но никакие репрессии и гонения не могли воспрепятствовать правдивому слову о казачестве. Мощные, многоплановые романы о казаках были созданы Иваном Шуховым — «Горькая линия» и «Ненависть»; Василием Баялиным — «Забайкальцы»; Василием Дюбиным — «Забрунный край» (этот роман включался в школьные программы); Анатолием Ивановым — «Ермак»; Андреем Губиным — «Молоко волчицы»; Анатолием Знаменским — «Красные дни»; Аркадием Первенцевым — «Кочубей»; Виктором Лихоносовым — «Наш маленький Париж».

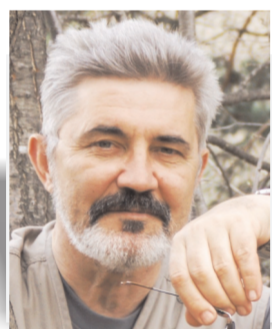
Разрабатывалась казачья тема и в поэзии. Вслед за Павлом Васильевым стихи и поэмы о казаках писали Дмитрий Кедрин, Борис Куликов, Владимир Цыбин, Борис Примеров, Сергей Королёв, Иван Варавва, Витислав Ходырев, Юрий Белченко.

Они и ряд других авторов во многом подготовили общественное сознание к необходимости возвращения казачества в современную жизнь страны, как своеобразную иммунную систему государства, способную противостоять агрессивным вызовам нового времени. И в конце

восемидесятых годов прошлого века такой процесс возрождения казачества начался во многих регионах традиционного проживания казаков, а так же в Москве и Ленинграде. Нет ничего удивительного в том, что первые казачьи организации в обеих столицах возглавили писатели-казаки Гарий (Гурий) Немченко и Борис Алмазов, а атаманом Союза казаков Области войска Донского стал сын великого писателя Михаил Михайлович Шолохов. Кому, как не им, суждено было постигнуть великую миссию своих предков по собиранию и защите России и стать активными продолжателями искусственно прерванной традиции самоотверженного служения казаков Отечеству.

Больше 20-ти лет идёт возрождение и становление казачества в России, Казахстане, Украине, Приднестровье. И хотя далеко не всё складывается так, как хотелось бы потомкам казачьих родов и их соратникам, но новая страница истории казачества открыта и ждёт своих летописцев. И они появляются там, где того требует обстановка и благие дела. Как правило, не по заданию кого-то из начальствующих чинов, а по велению души. Так, вместе с движением за возрождение казачества начали выходить казачьи газеты и журналы, книги прозы и стихов. Появился всероссийский журнал «Казаки». А в 2012 году была создана казачья секция в Союзе писателей России и проведён первый открытый литературный конкурс «О казаках замолвим слово». Этот конкурс показал, что по всей России и далеко за её пределами живут много талантливых авторов, не забывших своих дела предков и слышащих их голоса в своей душе. А это значит — казачеству России быть, новым деяниям и подвигам совершаться и создаваться новым книгам о них!

Валерий ЛАТЫНИН,
председатель казачьей секции
Союза писателей России

Михаил КОЛБАСОВ
Родился в 1947 году в селе Тахта Ставропольского края. Рос в знаменитой на Кубани станице Григоропольской, в семье деда. Здесь пошёл в школу, а после переезда в Ставрополь проводил в станице каждое лето. Служил в ракетных войсках стратегического назначения. Первая книга стихов «Великий русский океан» вышла в 2005 году.

«Им нельзя без седла и коня...»

Бок осёлка зализали до блеска.
Сколько заточено лезвий на камне!
Кровью казачьей

Как он талантливо
был приспособлен:
Сизый, широкий,
с приятным прогибом.
Белье, красные, сотня за сотней,
Кланялись камню, рублились
и гибли.

Целую вечность
злой разум старался,
Смысл придавал
этим скальным обломкам.
Камень смиренно ему подчинялся,
Чтобы уродовать души потомков.

В нём клочкотала энергия силы
И неуёмная, жуткая злоба,
Будто Вселенную, камень кружила.
Магия действа.
И смысл в ней особый.

Вот он, знаменье, в крапиве,
за кузней.
Щерится в небо
расколом шербатым.

Сколько на нём истончилось
иллюзий!
Сколько им поднято брата —
на брата!

Из красной воды выйдут кони,
как ангелы белые.
И гривой встряхнут,
и копытом ударят о твердь.
Мой брат, Туроверов,
ну что ж мы с тобою поделаем,
Коль верных друзей
отправляем на верную смерть?

Ступнями столетий
измызганы камни прибрежные.
Мы оба покинул Крым.
Безысходность и тьма.
Всё те же лагуны.
И как паруса белоснежные,
Восстали над ними
иных богатеев дома.

А наши станицы
живут по старинке. И тешатся
Наивными думками,
будто бы завтрашний день
Подсыплет дорожки,
поправит поникий плетень,
И даст передых
на короткое времечко спешиться.

Российская жажда любви
да казачье достоинство.
В миру то и свято,
за что непомерна цена.
Давно полегло твоё белое,
славное воинство.
И я сыт по горло. Уродует душу война.

Туманы укрыли по-братски
лунистой попоной
Тела богатярские.
И бесконечные сны
Тобой завладели.

Печаль колокольного звона
Летит над землёй
из покинутой нами страны.

Лёгкий толчок, и на землю с паром.
Ну, наконец-то, с тобою мы дома!
Годы у нас за спиной.
Там, за рекою, остались. А впрочем,
Как хорошо, что успели до ночи
Просто приехать домой!

Много значений у этого «просто»:
Неприхотливая мудрость погоста,
Вздохи деревьев, кружение протоки,
Перья лебзяжи сквозь зелень осоки.

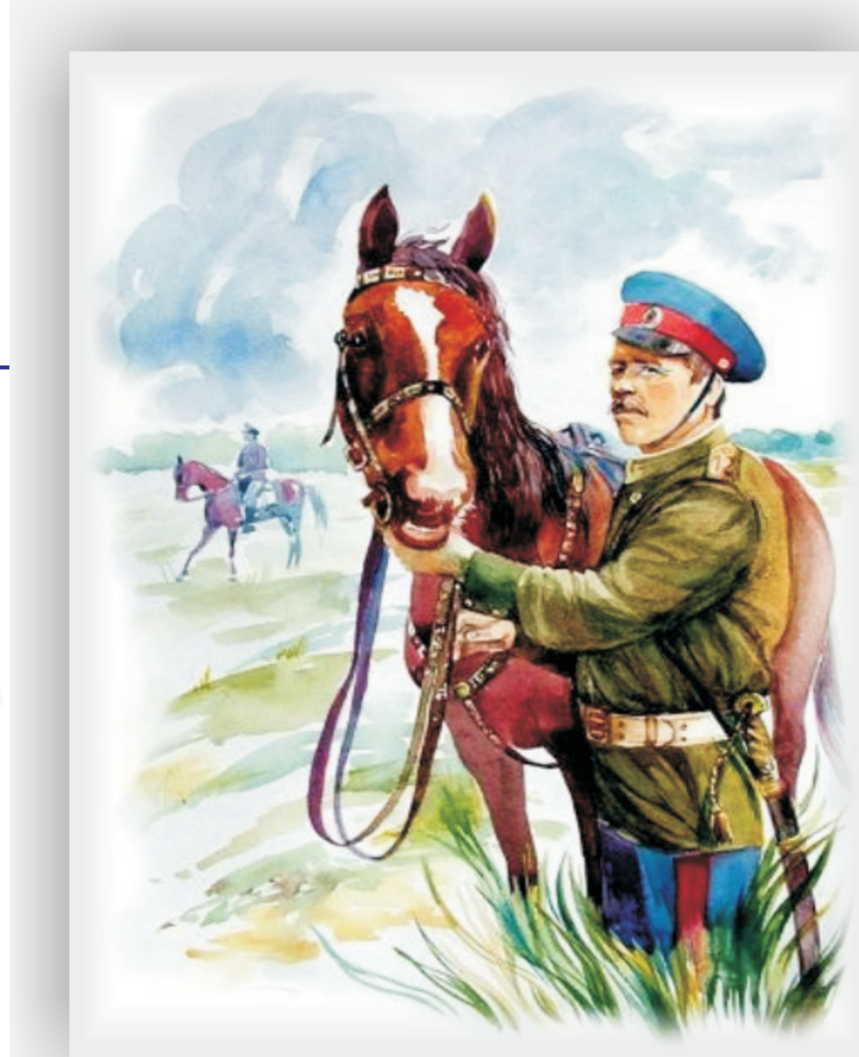
Старая кружка на срубе колодца,
Синие ставни на блёклых окнах, —
Будто ресницы. От звёзд и от солнца.
Всё — узнаваемо. Значит, привычно.
Всё — неприкаяно. Значит, обычно.

Ива плачущая в горе склонилась:
Сколько загадано здесь, да не сбылось!
Солнышком ясным
на миг распустилось,
Кануло в Лету, и рыскаю укрывшись.
Как беспробетно живётся на свете!
Пусто в станице: лишь бабы, да дети.
Стынет в подполе медовая брага —
За облаками казачья ватага.

Из соседнего чёрного леса
Слышится ржанье разнузданных бесов.
Зябко поёжилась крайняя хата.
В землю — по пояс. А в чём виновата?

И перехватит дыханье. По-царски
Спит-почивает моё государство.
Не поспешает ко мне на подмогу.
В меру — велико, в меру — убого.
Что остаётся? Смоливаю — к Богу?

Но за плечами — безбожье глухое.
И ведь всё время ломал, а не строил.
И принимаю теперь как отмытые
Всю «простоту» своего возвращенья.

Есть на Северном Кавказе вроде бы
неприметный городок — Георгиевск.
Ни фешенебельных гостиниц, ни курортного ажотажа — тихие улочки
упопают в цветущих абрикосах, черешнях,
сливах, яблонях. В палисадниках,
кроме фруктовых деревьев, роскошные
кусты сирени, жасмина, роз.

Летом по размякшему от жары асфальту
катятся под ноги переспелые
всунуточные абрикосы. Белые сливы
выпевают до такой медовой сладости,
что трескаются от переполнившего их
сока и тогда к ним слетаются полокочиться
разленившиеся от зноя осы.

Обрывки фраз этого заговора. Через несколько десятилетий, изучая русский фольклор, я пролистал сотни книг, но этого заговора не встретил.

По выходным дням седобородые старики с военной выправкой, в чистых белых рубашках навывпуск, подпоясанных казачьим ремнём, чинно шествовали в древнюю деревянную церковь.

Как-то раз в будничной обстановке разговорился я с таким старцем. Ему, оказавшемуся, давно перевалило за восемьдесят, а он был полон сил.

— На чьей стороне, — спрашиваю я, — дедушка, воевал?
— С атаманом Дутовым бил крас-

ных, — отвечает он. — Доставалось и нам от них. Отступая, мы дошли до границ Дальнего Востока. Потом остатки нашей войска перешли китайскую границу. Жил там я долго. Выучил китайский язык. А теперь вот вернулся на родину умирать.

Расположен Георгиевск большей частью на возвышенности, оканчивающейся с восточной стороны то крутыми спусками, то продолжительными глинистыми обрывами, достигающими порой двадцатиметровой высоты.

Внизу, изогнувшись казацкой саблей, точит о песчаный берег сверкающее лезвие своего течения река Подкумок, та самая, о которой упоминается в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, в письмах и стихах А.С. Пушкина, неоднократно проездом бывавших в Георгиевске, являвшемся тогда центром Кавказской губернии. Сохранился и большой саманный дом казачьего наместника, где, говорят, останавливался Пушкин.

Здесь он, кстати, написал одно из лучших своих стихотворений «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Правда, в первом варианте оно по объёму было вдвое больше и начиналось по-другому:

Все тихо —
на Кавказ идёт ночная мгла.
Мерцают звёзды предо мною.
Мне грустно и легко —
печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою.

стоятельной внешней политики, обзависши своими войсками служить России. Со своей стороны, императрица Екатерина II рвалась за сохранение целостности владений Ираклия II, предоставляла православной Грузии полную автономию и в то же время защиту. Георгиевский трактат стал своего рода крепостной стеной, защитившей Восточную Грузию от постоянных притязаний Ирана и Турции и дал огромные возможности грузинскому народу для развития культурных и экономических связей с великой соседней страной.

Впоследствии, в 1816 году, когда Георгиевск решили сделать центром Кавказской губернии, сюда по назначению прибыл герой Отечественной войны Алексей Петрович Ермолов, сыгравший значительную роль в развитии города-крепости и освоении Северного Кавказа. Нынешним политикам есть чему у него поучиться.

Благодаря ермоловским преобразованиям, в Георгиевске начали бурно развиваться ремёсла, промышленность, земледелие, торговля, строительство, культура. Всё было устремлено к тому, чтобы превратить Предкавказье, повитое пороховой дымкой войны, в край добрососедских отношений, а для этого нужен был прочный тыл, подпирющий линию укреплений казачьими станицами. Крепость, говорили тогда, — это камень, брошенный в поле, дождь и ветер снесут его.

Казачьи крепости стали основой многих российских городов на юге, в Сибири, Причерноморье, на Кавказе.
Об одном из таких городов, бывшем центре Кавказской губернии, делится своими воспоминаниями известный журналист, поэт и переводчик Олег ДЕМЧЕНКО

А рядом с этим особнячком вознеслась к облакам деревянная дубовая церковь, в которой царю Николаю I так понравился хор певчих, что он велел каждому из них подарить костюм. Помнят эти глухие улочки и шаги Грибоедова, Лермонтова и других известных личностей.

При въезде в город возвышенность частично обрамлена кирпичной, обомшелой от древности стеной бывшей казачьей крепости, основанной в честь Святого Георгия в 1777 году. С неё-то и началась история создания города.

Этот стратегический объект, находящийся на перекрёстке военных и торговых дорог, идущих с севера на юг и с запада на восток, во второй половине восемнадцатого века имел для России важнейшее военное значение. Сам Александр Васильевич Суворов провёл в 1779 году надёжность здешних фортификационных сооружений.

Стоит особо отметить, что именно здесь, в крепости Святого Георгия, 24 июля 1783 года был подписан договор о соединении Грузии с Россией. Этот документ известен как Георгиевский трактат. Грузинский царь Ираклий II после его подписания признал покровительство России и отказался от само-

Станица — это растение, которое внедряется в почву корнями и постепенно захватывает всё поле.

Город быстро обрастал станицами. Зашумел базар, ожили улицы, широкий поток хлынул сюда ремесленники, купцы, предприниматели, чиновники. Начали строиться добротные кирпичные особняки. Город приобрёл не только наиважнейшее политическое значение, но и выступил в роли торгового посредника. Ежегодно Россия на здешних торгах продавала до сорока тысяч пудов соли, покупала тысячу голов скота, сотни пудов шерсти, мёда, воска, кож и другого товара.

Однако в 1821 году главнокомандующий на Кавказе А.П. Ермолов направил в столицу неожиданное, больно ударившее по местным жителям ходатайство с требованием перевести из Георгиевска все основные управленческие учреждения в город Ставрополь. Причиной было то, что ни один русский город на Кавказе не имел за своё сорокалетнее существование такую высокую смертность. Проверка приехавшей из Петербурга комиссии, подтвердила: умерших от эпидемий, которые сходились на перекрёстии всех кавказских дорог, было тысячи!

Перевод управлений в Ставрополь, стоявший в стороне от узла проезжих дорог, начался с 1822 года. Следом потянулись купцы, предприниматели, ремесленники...

...С высоких круч Георгиевска открываются всё те же, что и 230 лет назад молчаливые просторы, оканчивающиеся у горизонта грядой далёких снежных вершин Кавказа. Всё та же широкая полоса лиственного леса, исчезающая в безоглядном пространстве, тянется вдоль правого берега Подкумка. А за ней в голубоватой дымке вечера виднеются отдалённые холмы с золотыми нивами, пирамидальными тополями, кудрявыми рядами виноградников и развесистых садов...

Богатый край, что и говорить. И народ здесь особенный: резкий, подвижный, у некоторых лица по-азиатски смуглые, скуластые. Откуда в русские лица втепались такие черты? Не из тех ли времён, когда лихие молодцы-казаки умывали из соседних аулов горянок и брали их в жены? Кто знает, — было быльём поросло...

Да, о многом вспомнишь, о многом передумаешь, глядя в эти бесконечные дали.

За вековую историю в городе, конечно, многое изменилось. Но, несмотря на новые веяния, прежний уклад жизни ещё сохранился. Укрепляет свои позиции казачество — надёжный оплот России.